

Мигом слетели куда-то улыбочка с приветцем, а взамен их робость дрожащей мышью вылезла откуда-то и остановилась в глазах.

Сердце заекало сильнее, стучит чуть не вырвется. А поручик—важно, с достоинством:

— Вы, говорят, был в пагтии этих мегзавцев. Скажите, что вас побудило к ним затесаться?

Откровенен Август Августович, как на духу.

— Да так, знаете, вижу, что не коммунистам с голоду подыхать, ну и записался. Жить, ведь, хочется. Я всего девять деньков и был.

— Занимались агитацией в пользу жидовско-хамской власти?

— Нет... Что Вы. Моя мать дворянка... Под Москвой четыре дачи своих было... Отец...

С улыбочкой выслушал поручик развернутые летописи и нетактично молвил.

— Шельма вы стагая, хоть и простачком прикидываетесь.

И не по возрасту нравоучительно закончил.

— Иди старик и впредь не греш.

Лоскут 13-й. Бог христианский и бог революционный.

Счастливо отделался Август Августович, но бога надул. Когда шел, мысленно обещал, в случае благополучного исхода, поставить свечку за четвертачок, а поставил всего за гривенник. Впрочем отделался-ли совсем?—Ведь окружной надзиратель ясно сказал:

— Окончательное прощение только тогда возможно, когда возьмут Москву и ударят в колокола всех сорока сороков и то по особой амнистии.

Снова пришлось интриговать бога. Так обещал Август Августович.

— Когда полной грудью вздохну, когда получу обратно чины и ордена, тогда и доставлю причитающуюся с меня 15-ти копеечную свечку.

Не ударили московские колокола. Не воинственные, а хозяйственные оказались поручики. С сундуками и росписными коврами проехали обратно. Свадебным поездом проехали. Без сорока сороков вышла особая амнистия о помиловании, бог христианский вышел не при чем и пятнадцати копеечная свечка осталась в ящике ктитора, в резерве.

Лоскут 14-й. 19-й год.

19-й год был мрачным лоскутом в жизни Августа Августовича. Ржавчиной остался на душе и даже внешне отпечатывался: усы раньше были как у мопса хвост, а теперь моржовыми стали—повисли. Даже 22-й неповский год и тот не поправил их. А хороший был год. По началу как—будто заткал большой лоскут—главу розовую.